

A stylized illustration of a tree with dark, angular branches extending from the left side of the frame. In the lower portion, a dark silhouette of a bird is perched on a branch. The background is plain white.

ЛЕДЯНОЕ
СЕРДЦЕ

ХОЛОДНЫЙ
РАЗУМ

ПЫЛАЮЩАЯ
ДУША

ПЫЛАЮЩАЯ ДУША

АННА ОДУВАЛОВА

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-44

Иллюстрация на переплете *Эвелины Ситсали*

Дизайн обложки *Александра Андреева*

Разработка серийного оформления *Екатерины Петровой*

Одувалова, Анна Сергеевна.

О-44 *Пылающая душа* / Анна Одувалова. — Москва :
Эксмо, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-04-175906-3

Жизнь разлетелась в клочья. Любимый меня убил, не-
любимый даровал лишь подобие жизни. А проблемы нику-
да не делись.

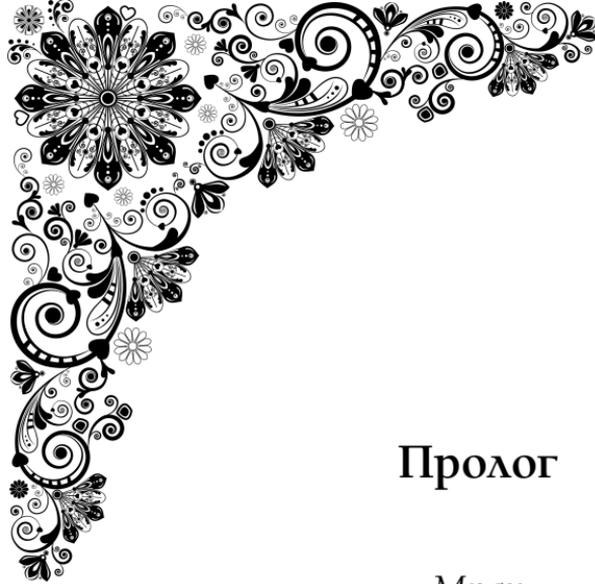
Я так устала сражаться с этим миром, но я — Дайа-
на Тейнон, и я не умею сдаваться. К тому же мое будущее
только в моих руках.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Одувалова А.С., текст, 2023

© Оформление.

ISBN 978-5-04-175906-3 ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Мрак

В душе черная, клубящаяся тьма. Она уже давно не уходит. Сворачивается в груди, словно черная кошка, и заполняет собой все пространство, уничтожая страх, боль, разочарование и угрызения совести. Им больше нет места в теле, власть над которым захватили демоны. Остались только воспоминания о совершенно другой жизни, другом мире и обо мне. О том, кем я когда-то был. От прошлой жизни лишь осколки, и сейчас скроется под землей последний из них. Больше ничто не будет меня держать. Даже чувств почти нет, они замерли. Точнее, стали совсем другими, и боль отдается очень странно, демоны словно заглушают ее, впитывают в себя. Хотя я не просил их об этом. Мне бы хотелось оплакивать Дайану, хотелось бы винить себя в ее смерти, и отголоски сожаления, исходящие от демонов, — это совсем не те эмоции, которые мне нужны сейчас.

Я стою в стороне от траурной процессии. Словно дикий зверь, прячусь в тени деревьев. Не следовало приходить, но я не смог. То, что еще осталось в моей душе человеческого, тянет сюда. Я должен видеть. Должен понять, что все закончилось, что сердце молчит. Даже оно больше не принадлежит мне.

Но оно все равно сжимается, еще трепыхается и страдает. Эти чувства кажутся странными, мешающими. Хочется избавиться от них, заменив привычной чернотой. Но я сопротивляюсь. Мне нужно это страдание. В последнее время мне кажется, что демоны ограждают меня. Думаю, это их способ меня защитить. Они чувствуют себя виноватыми... нет, не за убийство. За то, что расстроили меня. Наверное, они как плохо обученные бойцовские псы. И это заставляет думать, что трагедия произошла не потому, что они во мне, а потому, что я не смог их обучить. Дурацкие мысли, дающие ложную надежду на то, что с демонами можно договориться.

Внешне остаюсь спокойным, смиряюсь с тем, что проиграл и теперь нахожусь во власти демонов, но, видимо, поглощенная черной магией душа все же бьется где-то внутри тела, ставшего для нее тюрьмой, и надеется на то, что все можно исправить. Все, кроме смерти.

Процессия малочисленна. Дайану хоронят на нашем «семейном» кладбище, за стенами замка. Тут почти нет снега, а земля не промерзала насквозь

из-за подземных источников. Предать тело земле можно только здесь. Нестройные ряды памятников, негаснущие магические светлячки и вековые деревья, словно обнимающие поляну, — тут должен был найти покой я, а не она. Это было бы справедливо и правильно.

«Спи спокойно, моя рыжая головная боль, моя лучшая ученица... Видят боги, я не хотел, чтобы так вышло... Я, пожалуй, любил тебя... Увы, я не успел понять, значение этого слова. Возможно, ты помогла бы мне разобраться, если бы я не оказался слаб. Всегда считал себя сильным, но не смог победить демонов, и сейчас во мне почти нет ничего человеческого. О том, что я сам жив, напоминает только разъедающая изнутри боль, но и она скоро исчезнет благодаря демонам. Они сожрут ее, как раньше сожрали радость, угрызения совести и остальные эмоции. Я стал другим, уже не человеком, и новое состояние не дает мне добровольно расстаться с жизнью. Перерождение началось, и я не понимаю, куда приведет этот путь. Видят боги, я бы хотел пройти его с тобой».

Я уйду самым последним. Провожу прощальным взглядом каждого из своих учеников, отдавая себе отчет в том, что, возможно, вижу их в последний раз. По крайней мере, так близко. Сначала Дайану, которая бледна и красива с огненными волосами в белоснежном платье. Не ее цвет, но такова

традиция: магов хоронят в белом. Особенно магов, павших в бою. Потом Кэвина, который зябко кутается в теплый плащ, — жаль, что я не смог подготовить своего преемника лучше. Ему будет сложно, но он так этого хотел. Интересно, как он справляется? Чувствует ли свою вину? А может быть, торжествует? А потом Дафну, которую под локоть поддерживает Маркус. Все же послушался и никуда не уехал или же вернулся? Ребекку — она появилась уже после того, как меня забрали из замка, Анабель и остальных. Они уходят медленно, словно не могут поверить в случившееся. Я тоже не могу. До последнего надеюсь, что этот грех не на мне. Дайана была сильной, я хотел бы, чтобы она выкарабкалась. Но мир жесток и ко мне, и к ней. У нашей истории нет даже условно счастливого конца. Возможно, если бы Дайана была жива, я бы смог продолжить борьбу со своими демонами. Но я убил ее и окончательно проиграл.

Я опускаю взгляд на свои руки, по которым бегут черные вены, и знаю, уже никогда и ничего не будет прежним. Это мой последний человеческий выход. Демоны рвутся на свободу, и у меня нет ни сил, ни желания их сдерживать. Они хотят убивать и готовы растерзать медленно возвращающуюся в замок процессию.

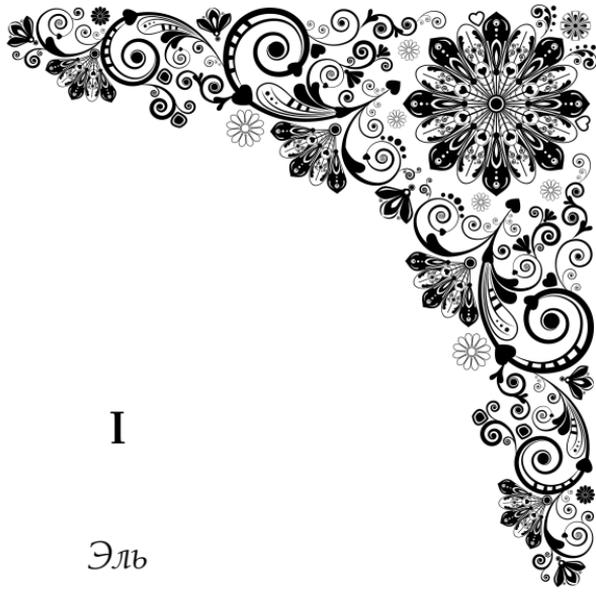
Я разворачиваюсь в сторону своих бывших учеников, но у ног раздается шипение. Опускаю взгляд

и поднимаю Пушистеньку, который в очередной раз заставляет меня на короткое время прийти в себя. Он ненавидит демонов в моей душе, но все равно никуда не уходит, словно понимает: он — моя единственная связь с прошлым.

Кот позволяет взять себя на руки, перебирается ко мне на плечо и устраивается, словно воротник, на шее.

Я медленно выхожу из своего укрытия и двигаюсь к свежей могиле, украшенной цветами. Стою какое-то время, даже не чувствуя, что по щекам текут слезы и сразу замерзают кристалликами на коже.

— Мое сердце умерло вместе с тобой, — шепчу одними губами и кладу на комья промороженной земли красную розу. А потом разворачиваюсь и иду прочь, внезапно подумав, что на похоронах почему-то не видно Эля. Верный вампир исчез, как только понял, что объекта поклонения больше нет? Даже в душе такого монстра, как я, любовь держится дольше.

I

Эль

Ночь — лучшее время, а вот зима — совершенно точно нет. Светловолосый, совсем молодой парень кутается в мех и стремительно пробирается по сугробам, тараня их с настойчивостью, которой могут позавидовать многие. Его движения стремительные и легкие, нечеловеческие. Он бросил экипаж на дороге в нескольких километрах от замка и остальной путь проделывает пешком, чертыхаясь, иногда поскользываясь на раскатанной дороге, но почему-то упорно сохраняя человеческую ипостась. У ворот замка сворачивает влево и минует редкий лесок, чтобы, нырнув между двух валунов, очутиться на маленьком неогороженном кладбище. Сугробы, окружающие почти не занесенный снегом пятак земли, отражают лунный свет, поэтому здесь достаточно светло. Из неживой, покрытой лишь тонким слоем инея земли на погосте торчат памятники. Не-

большие, все одинаковые. Им не пытались придать индивидуальность. Просто белые каменные валуны с датами. Но возле каждого горит магический огонек и стоят цветы. За местом ухаживают, не отдавая предпочтения никому из усопших.

Дайана не должна была оказаться здесь. Она достойна большего.

Эль огибает памятники и останавливается возле свежей могилы. Убирает букеты, откидывает в сторону одинокую, словно выпавшую из композиции, алую розу и опускается на колени, внимательно вглядываясь в замороженные комья земли, словно пытается найти в них ответы на вопросы мироздания. Страшно так, что леденеет в груди. Незнакомое, пугающее чувство. Если не получилось, то мир остановится.

— Ну же... — шепчет он, заметно волнуясь. — Пора, моя девочка... Ну же...

Эль смотрит, закусив губы, пытаясь подавить волнение. Но с каждым мигом надежда исчезает из его глаз. И когда он почти сдается, отстраняется назад, чувствуя, как отчаянье затапливает душу, комья земли начинают шевелиться, и между ними показывается грязная рука с обломанными ногтями.

— Я знал, что ты сможешь... — шепчет он и хватается за руку, вытягивая из-под земли рыжеволосую девушку в белом, заляпанном грязью платье.

— Если ты меня ждал, — шипит она, падая у могилы на колени и пытаясь отдышаться, — то какого демона не откопал и не помог открыть крышку? Я думала, не выберусь! Все ногти обломала!

— Ты должна была справиться сама, — выдохнув с облегчением, отвечает Эль, а Дайана поднимает на него пылающие красным глаза и спрашивает:

— Может, объяснишь мне, какого демона тут происходит?

Дайана

Боль утихает и превращается в беспомыслие. Умереть от рук любимого... в этом есть особая романтика. Только вот я никогда не была романтична. Поэтому борюсь до последнего. Я выпустила на волю монстра, и я должна отправить его обратно в бездну, а не умирать, истекая кровью где-то на краю света без надежды на спасение и без возможности узнать, к чему привела допущенная мною ошибка.

Но я смиряюсь. Каждому из нас отмерен свой срок. Поэтому совершенно не ожидаю, что в один миг беспомыслие прервется разрывающей болью в легких, в сердце, дикой жаждой и желанием убивать. Худшее воскрешение из всех, которые можно представить! Просыпаюсь внезапно и сразу понимаю: я другая. Нахожусь в крошечной темноте. Тут нет воздуха, но это не доставляет неудобства.

Я испытываю лишь жажду, злость и желание как можно быстрее выбраться. Пульсирующая агрессия и непонятное возбуждение заставляют меня лихорадочно шарить руками в узком пространстве и лупить по шелковой ткани над головой. Что, демоны всех забери, происходит? Где я? Почему так темно и тесно?

Меня что, похоронили? Это обстоятельство тоже не вызывает страха, только злость, и я начинаю биться сильнее. Меня пугает то, что сейчас основная моя эмоция — гнев. Причем не на Блэкфлая, который меня убил, а на обстоятельства. Очень непривычно, но времени анализировать свое состояние нет.

Именно ярость заставляет меня разломать крышку гроба. Ногти стали длинными и острыми, но я все равно обламываю их о качественную древесину. Дафна, что ли, не поскупилась? Она любит никому не нужный пафос, а мне преодолевай!

Мне не нравится мое воскрешение. Это неправильно и снова сулит неприятности. Они преследовали меня при жизни и, похоже, никуда не делись после смерти. Нет, я не хотела умирать. Там, в своей прошлой жизни. Но это был логичный и естественный финал. То, что происходит сейчас... Нет. Я слишком хорошо знаю, что это значит, но не лежать же в гробу, переваривая это знание? Нужно выбраться и задать много неприятных вопросов тому, кто обеспечил мне это посмертное существование.

Шелковая ткань рвется, доски над головой наконец трещат, и на лицо сыплются комья мороженой земли.

Я высовываю ладонь, за нее тут же хватается чья-то рука, и меня резко выдергивают из свежей могилы в морозную ночь. Звуки, запахи, холодный воздух бьют одновременно по всем органам чувств и дезориентируют. Дыхание вырывается с хрипом, меня трясет, голова кружится, и я чувствую себя потерянной, жалкой и злой. Хочется метнуться куда-нибудь в укрытие и там отсидеться, прийти в себя. Но, к счастью, я не одна. Встревоженный Эль, который мне и помог, совершенно не удивляет. Вот если бы его тут не было... Я бы, пожалуй, поразилась.

Я не идиотка и догадываюсь, что произошло. А вот мой верный соратник — идиот. Он рискнул сделать глупость, нарушить правила и подвергнуть опасности всех. Нельзя обращаться ведьму. Это известно всем. Меня убьют, и его тоже. Но, надеюсь, прежде я успею уничтожить Блэкфлая и исправить ошибки, которые допустила. Главное, не наделать новых.

Меня злит, что Эль ничего не понял. Блэкфлай — живое (ну хорошо, относительно живое) подтверждение того, что есть вещи, которые нельзя совершать даже во благо. Например, использовать себя как сохрон для демонов. Или обращаться ведьму в вампира.

На лице моего помощника такое незамутненное облегчение, что хочется ударить его сразу же. Вбить в глупую белобрысую голову понимание, к каким последствиям может привести его поступок. Было бы чему радоваться. Новым проблемам? Но я сдерживаю агрессивный порыв и спрашиваю:

— Какого демона ты натворил и почему не мог выбраться?

— Нам нужно уходить, — тихо говорит Эль и виновато улыбается, словно извиняется сразу за все. Как будто со мной это может сработать. Не срабатывало раньше, не сработает и сейчас. Пожалуй, я стала только злее. Не представляю существо, у которого после смерти характер становится лучше, чем был при жизни. В этом плане я, скорее, Пушистенка. И при жизни была не очень, а уж после смерти и подавно.

Вампир это понимает и ничего не говорит. Просто подает руку, предлагая уйти. Холода я не чувствую, зато ощущаю прилив энергии и запахи. Снега, хвойного леса, дыма костра вдалеке и едва заметный, где-то на горизонте, — крови. Он привлекает, будоражит и заставляет испытывать волнующее предвкушение.

Отпускаю руку Эля, поворачиваюсь в сторону запаха и вдыхаю полной грудью. Кажется, я знаю, куда мы пойдём. И мне начинает нравиться новая

жизнь. Чувствую, как губы сами собой расплзаются в улыбку. Прекрасно.

— Ди, нельзя! — одергивает меня Эль и выводит из своеобразного транса. В голосе беспокойство.

Как это мило... Только поздно. Он уже породил монстра.

— Пойдем, я тебя прошу. Обещаю, все будет. Пока ты слаба и плохо себя контролируешь. Позволь позаботиться о тебе. Карета тут недалеко.

— Позволь мне самой решать, кому и чего позволять, Эль! — шиплю я несколько уязвленно, но все же поворачиваю за ним, хотя и не хочу. — Не делай из меня идиотку, я не просила тебя о таком! — Я указываю пальцем на себя, не зная, как иначе обозначить состояние.

— Ди, давай уйдем и поговорим в безопасном месте, — с нажимом предлагает он, и мне хочется встать в позу.

Просто потому, что он не спросил меня, хочу ли я быть вампиром, а сейчас пытается что-то доказать и в чем-то убедить. Но я вовремя понимаю, насколько глупо себя веду. Я лохматая, грязная, в похоронном платье и легких туфлях. Мне нужен душ и постель. Это логично. Кровь тоже нужна, но рядом Эль, он лучше меня справится с этой проблемой. Так смысл упрямитесь, если можно во всем положиться на старого друга?

— А чем опасно это место? — Упираюсь исключительно из-за отвратительного характера, уже послушно двигаясь за вампиром. — Ты дал меня похоронить, ты позволил всем думать о том, что я умерла. Зачем? Чтобы оставить себе в личное пользование? Или я неверно понимаю?

— Ди, он тебя убил, и я не знал, что делать... — начинает оправдываться Эль. На лице тоска, в глазах — усталость. Он сейчас даже выглядит старше. — Обращение было единственным выходом оставить тебя здесь.

— Нет. — Я отрицательно мотаю головой. — Был еще один. Ты мог позволить мне умереть по-настоящему. И это было бы справедливо, правильно и избавило бы от многих проблем.

— Не мог... — тихо говорит он, и я едва сдерживаюсь, чтобы не ударить. Как он смеет думать о себе и своих чувствах, но плевать на мои желания? — Пожалуйста, — просит в очередной раз мой напарник. — Давай уйдем и поговорим. В ближайшее время тебе действительно лучше не жить среди людей. Дай себе время адаптироваться и привыкнуть к новому состоянию. Поверь, даже если тебе не по душе вампирская жизнь, она значительно лучше, чем смерть.

Странно, что Эль не понимает: как раз времени у меня нет. Раз уж я жива, нужно закончить начатое.

Перепалка действительно утомляет. Во рту появляется металлический привкус крови, и я плаваю. Видимо, Эль знает, о чем говорит, и лучше, чем я сама, понимает, что со мной происходит. Поэтому я позволяю увести себя с погоста. Правда, перед тем как уйти, поворачиваюсь и сосредотачиваюсь. Больше всего я боюсь утратить возможность колдовать. Но переживаю зря, все получается. Даже проще, чем обычно. Комья земли возвращаются на место. Парашасов — и никто не поймет, что я выкопалась.

Не знаю, почему стремлюсь это скрыть, но развороченная могила смотрится как-то совсем неэстетично. Хотя скрывать воскрешение от своих сокурсников я точно не собираюсь. У меня много вопросов, особенно к некоторым из них. И я непременно их задам, как только пойму, как существовать в этом долбаном новом качестве!

От мысли, что придется постигать с нуля многие вещи, становится тоскливо. Я снова, как и много лет назад, наивный новичок, который должен научиться быть лучшей. Другой я просто не умею.

Порошит снег, падает на нос, и я чувствую, что снежинки не тают. Наверное, я все же умерла. Движение, разговоры, попытки сопротивляться — это просто агония. Я смотрю на захоронение, которое должно было стать моим последним пристанищем, и испытываю смешанные чувства. Отсюда начина-

ется моя новая жизнь, а я не уверена, что готова поставить точку в старой.

Шатает, но Эль подхватывает меня под локоть, принимая на себя всю тяжесть тела, готового рухнуть в сугроб.

— Тебе лучше сейчас не пользоваться магией, — советует он. — Дайана, правда. Доверься мне. Я помогу, буду рядом и поддержу. Как всегда.

— Пошел ты! — злюсь я и пытаюсь оттолкнуть его, но сил слишком мало. — Тебя забыла спросить, как мне себя вести. И долго меня будет так плющить?

— Не знаю, — со вздохом отвечает он, понимая, что спорить со мной бесполезно. — Месяц, год, десять лет. У всех по-разному. И точно до того момента, когда ты выпьешь кровь.

— Час от часу не легче, — бормочу я и сглатываю. Никогда бы не подумала, что стану кровопийцей. То, что умру рано и не своей смертью, подозревала, но вот вылезать из могилы обратно я не планировала никогда. По мне — умерла так умерла.

Я злюсь на Эля и понимаю, что не смогу простить ему решение, которое превратило меня в вампира, но, с другой стороны, понимаю: раз судьба распорядилась так, я продолжу борьбу в новой ипостаси.

Беспамятство и смерть хорошо повлияли на информацию, которая скопилась у меня в голове. Она систематизировалась, и теперь я почти на сто

процентов уверена, что знаю, кто предал Блэкфлая и, пусть косвенно, приложил руку к моей смерти. Когда окончательно приду в себя, то сразу же нанесу визит этому человеку. А потом найду Блэкфлая.

Только вот не знаю, что буду делать, когда встречу Мрака. Но я непременно пойму это быстрее, чем разберусь, как управлять новым телом, новыми мыслями и новыми потребностями. И точно не собираюсь постигать эту науку год или больше, этот курс придется закончить экстерном. Элю это вряд ли понравится, но его чувства — не то, что способны меня взволновать.

Долгое время в карете мы едем молча. Эль пытается завести разговор, но я останавливаю вампира на полуслове. Надо собраться с мыслями и перестать хотеть его убить.

Мечтаю о ванне с ароматной пеной... И только после этого говорить о серьезных вещах. Пока же просто смотрю в окно на серый пейзаж Северных земель и вспоминаю события последних месяцев. Моя жизнь изменилась безвозвратно. Прошое кажется далеким и нереалистичным. Шесть лет, проведенные вдали от магистра, стираются из памяти. Воспринимаются как сон.

Приближается весна, скоро станет чуть теплее, но солнце будет появляться реже. Оно вылезет ближе к холодному короткому лету. А пока небо заты-

гивают тучи, а шквалистый ветер, налетающий неведь откуда, гнет деревья, сдувая с них шапки снега.

Волшебное зимнее очарование растворяется в хмурых тучах, черных голых ветвях и буром снеге, который покрывается тонкой паутиной пыли, прилетающей с пологих горных склонов — у Темного хребта добывают уголь. Сейчас мое самое нелюбимое время года в Северных землях, когда красиво только в Сноурге. Скоро польют ледяные дожди, и все вокруг покроется глазурью, похожей на стекло. Промозгло и холодно будет даже в хорошо отапливаемых помещениях. Только вот я этого не почувствую. И почему-то от этого на глаза наворачиваются слезы.

Странно осознавать, что теперь кровь в моих венах течет в несколько раз медленнее, и то, что раньше воспринималось как пробирающий до костей холод, сейчас лишь не заслуживающее внимания неудобство. Точнее, я не чувствую холод, но он делает меня медленной, тупой и слабой, как любое хладнокровное животное, например ящерицу или змею.

С одной стороны, хорошо не чувствовать промозглых порывов ветра, пробирающих до костей. С другой... Именно холод, голод и боль заставляют нас чувствовать себя живыми. Я живой себя не ощущаю, жить мертвой не хочу, и что с этим делать — не понимаю.

За окном мелькают унылые сугробы, горные хребты вдалеке, которые сейчас едва получается разглядеть в снежной дымке, и знакомые, редко разбросанные по обочинам дороги трактиры. Мы едем в Сноург, хотя логичнее было бы увезти меня в Срединные земли. Но так далеко зайти Эль, конечно, не решился. И это правильно, такого я бы точно не потерпела.

— Не опасно? — спрашиваю, не сомневаясь, что Эль поймет, о чем я.

— О тебе никто не знает, — нервно бросает Эль. Он прекрасно понимает, что Сноург — не лучшая идея. Там клан вампиров, много знакомых, Маг-Страж.

— Так узнают. — Я невесело усмехаюсь. — Это неминуемо. Не утаишь иголки в стоге сена. Сколько у нас времени?

— Неделя... Две... — Эль пожимает плечами и затравленно смотрит на меня. — Как будешь себя вести.

— Ты же в курсе, что тихо я не умею?

— Дайана, это не шутки. О тебе не должны узнать как можно дольше. Это опасно.

— Эль, ты сделал сильную ведьму вампиром. — Я зло усмехаюсь и смотрю на него с вызовом. — Конечно, это опасно. Нужно было думать раньше, — припечатываю мстительно, не щадя чувства напарника.

— Они придут за тобой и попробуют убить, — признается он. — Этого нельзя допустить. Ты должна стать сильной не только как ведьма, но и как вампир. Иначе все будет зря.

— Зачем тогда обращал? Знал же, что будут проблемы! Знал, что я не останусь в восторге! Для чего, Эль? — спрашиваю я с издевкой. Мои слова жалят, но Эль заслужил грубость, которую я на него выливаю. Он поступил как эмоциональный подросток. Не думал о последствиях, а я не собираюсь скрываться. У меня есть цель, и в голове начинается рождаться план. А еще... Я считаю себя мертвой, поэтому не страшно умирать еще раз. Если успею исправить ошибки, будет совсем хорошо.

— Ди, я не жалею, — признается он со вздохом. — Мы не задержимся в Сноурге надолго. Пара дней, чтобы ты пришла в себя..

— А потом уедем на край света вместе? Так ведь? — уточняю я, даже не пытаюсь скрыть сарказм. — Ты на это рассчитывал, Эль? Не будь идиотом, тебе не идет!

Вампир отводит взгляд, подтверждая мою догадку. Наивный. Он думает, что, став вампиром, я резко изменю свои планы или мой характер станет иным? Интересно, с чего бы это?

— Нет, Эль, ты не угадал. Мы никуда не уедем. У меня очень много планов, и отъезд в них не вписывается. Мне надо найти Блэкфлая и завершить на-

чатое. А все проблемы... Что же, это просто проблемы. Боишься за свою задницу? Так я тебя не держу, можешь валить. Хоть сейчас.

— Ты творишь глупость! И не понимаешь, что говоришь! — шипит он, оскалив клыки.

Огрызаюсь в ответ:

— Спешу заметить, и ты тоже. Я не собираюсь отступать от своих планов. А мой план — это Блэкфлай.

— Он натворил столько, что его убьют и без тебя. — У Эля, оказывается, тоже есть зубки, и он умеет ими больно кусаться. Но со мной ему все равно не совладать. — Успокойся и живи для себя. Ты же хотела вернуться к прежней жизни. Это второй шанс, который я даю тебе и который ты не хочешь использовать!

— Не хочу. — Не вижу смысла врать. — И шансов я не просила. Сейчас — совершенно точно. И кто тебе сказал, что я планирую убивать Блэкфлая?

Эль молчит. То ли не хочет спорить, то ли решает отложить скользкую тему на потом. Мне все равно. То, что он превратил меня в вампира, ничего не меняет между нами. Я так же приказываю, а он или исполняет, или идет к демонам в задницу. Чем быстрее он это поймет, тем проще нам будет.

Мы въезжаем в город на рассвете и плетемся по сверкающим улочкам, которые напоминают сказку. Кажется, в этом месте могут происходить толь-

ко истории с хорошим концом. Но есть я, экипаж и молчаливый Эль. Мы совсем не подходим к этому месту, так как несем кровь, боль и разочарование даже самим себе.

Я ожидаю, что экипаж затормозит где-то на окраине, но он уверенно пробирается по петляющим улицам в сторону Ледяного двора.

Я никогда не считала Эля идиотом, но иной раз его безалаберность и уверенность в собственной неуязвимости поражают. Не знаю, что и кому он хотел доказать, когда снимал дом в самом центре Сноурга. Тут дорого и у всех на виду. Нам вполне подошла бы окраина. Я, конечно, люблю комфорт и удобство, но готова пожертвовать ими ради собственной безопасности и безопасности моего окружения. Или его цель — продемонстрировать прелести жизни вампиром?

Я ставлю именно на это. Эль, видимо, жил светлой мечтой, что мы въедем в милый дом с булочной за углом и будем жить тихой и счастливой жизнью, а через пару месяцев, когда я освоюсь в новом качестве, отправимся путешествовать, забыв все, что произошло ранее. Рвать с прошлой, человеческой, жизнью — вообще в природе вампиров. Но из ведьмы не получится правильного вампира. Это Эль мог бы предусмотреть. Думала, он знает меня значительно лучше. Или слепая безответная влюблен-

ность так серьезно сказывается на его умственных способностях? Надо при случае спросить.

— Тебе следует выпить кровь, — сообщает вампир обеспокоенно, едва за нашими спинами закрываются массивные ледяные двери. Лед, конечно же, не натуральный. Искусная имитация, которая даже нехолодная. Но смотрится внушительно. Кажется, будто затянутую инеем древесину покрывает глянцевая ледяная корка. Провожу по ней пальцами и снова почти ничего не чувствую.

Дом небольшой, двухэтажный, типичный для Сноурга и зажатый с двух сторон такими же домиками-близнецами, готовыми принимать обеспеченных постояльцев, стекающихся в столицу Северных земель со всего континента.

Дверь выходит на пешеходную улицу в паре кварталов от дворца. И мне видится в этом вызов. Бессмысленный и непонятный. Внутри просторный холл. На первом этаже — небольшая кухня, которая годится лишь для того, чтобы выпить кофе, и лестница на второй этаж, где размещаются две спальни. Я рада, что, как бы далеко ни зашел в мечтах Эль, он догадался, что не стоит предлагать мне жить в одной комнате. Сейчас я за это, пожалуй, могу и убить.

Я выбираю дверь, которая находится слева. Окна этой комнаты должны выходить на проспект. Элю достается другая. Когда я берусь за ручку двери, вампир тоном заботливой мамочки напоминает:

— Кровь.

— Душ! — парирую я исключительно из вредности и захопываю дверь перед носом Эля.

Он считает меня принципиальной идиоткой, которая будет сознательно умерщвлять себя, лишь бы не прибегнуть к неприятному способу питания? Странно, что вампир опасается такого поворота. Хорошо же он меня знает!

Мысли о крови вызывают в желудке голодные болезненные спазмы. Я понимаю, что она необходима мне, причем чем быстрее, тем лучше. Велик соблазн открыть дверь и потребовать ее у Эля, но я держусь не из-за глупой прихоти или упрямства. Нет. Мне необходимо прочувствовать все грани своего нового состояния. Ощутить, как меняется от голода разум. Какие мысли приходят в голову и как долго я могу все это контролировать. Очень странное, страшное и непривычное состояние. Я предпочитаю знать свои слабости, а голод — одна из них. Лучше изучить это ощущение, когда мне ничто не угрожает.

А потом, принять душ действительно хочется не меньше, чем крови. Я и в человеческом обличье предпочитала садиться за стол с чистыми руками. Ну и Эля стоит проучить. Пусть понервничает. Ему полезно. Не стану пить кровь — свихнусь. Эль этого боится, потому что шизанутая ведьма, которая обладает силой и скоростью вампира, — тварь не менее опасная, чем нашпигованный демонами Блэк-

флай. Элю следовало подумать об этом, прежде чем обращаться ко мне.

Комната вполне ничего. Обезличенная, как и любая комната в арендованном доме, но удобная. Широкая кровать, окно со шторами пыльно-сиреневого цвета, туалетный столик, платяной шкаф под одежду, которой у меня нет, и дверь, ведущая в умывальную комнату.

Вот она-то меня и интересует. Конечно, я дико страдаю без своих мыльных растворов и ароматических солей, но лучше горячая ванна без всего, чем отсутствие душа как такового. Интересно, в новом облике наполненная ванна с горячей пеной окажет на меня такое же воздействие, как оказывала раньше? Если я лишусь этой возможности релакса, пожалуй, стану одним из самых злых и кровожадных вампиров.

II

Ванна мне заходит не хуже, чем в те времена, когда я была человеком, и это радует. Не хотелось бы лишиться этого удовольствия. Пена все так же пенится, ароматические масла пахнут, и думается по-прежнему превосходно. А еще я обнаруживаю, что если погрузиться в воду с головой и закрыть глаза, то можно отрешиться от реальности в несколько раз эффективнее. Что же, возможно, со временем я найду определенные плюсы у своей новой формы существования.

Я могу задерживать воздух дольше, чем обычный человек. И это сделать проще, нет судорожного желания вдохнуть поглубже. Я просто вишу в остывающей воде и думаю о жизни. Мысли выходят невеселые, и это омрачает релакс.

Голод расплзается по телу. Он начинается не в желудке, а, скорее, где-то в области сердца, и бежит по венам к голове, вытесняя все мысли и оставляя одну ярко-красную — кровь. Она бьется в такт ударам сердца, и я вижу ее внутренним взором. Пе-

ред глазами кроваво-красная пелена. Она пульсирует, меняет консистенцию и заставляет медленно сходить с ума, отключаясь от реальности.

Сначала это лишь неудобство. Я строю планы на будущее, пытаюсь выработать линию поведения с Элем. Прикидываю, как лучше поступить в той или иной ситуации, но постепенно отвлекаюсь на кровавую пелену, видения человеческих шей с бьющейся жилкой крови. Они такие яркие, что кажутся реальными и возникают внезапно, прерывая любые размышления.

Рот наполняется слюной, и я слглатываю, представляя, как вонзаю клыки в шею. Они уже удлинились и слегка царапают нижнюю губу. Забавное ощущение. Но я не спешу давать телу то, чего оно хочет. Тяну, испытываю себя на прочность и проваливаюсь в личный вампирский ад, когда кровь чудится повсюду, но нет возможности ее выпить.

Время идет, мысли о крови начинают вытеснять из головы все остальные. Вот уже перед глазами не стоит наша ночь с Блэкфлаем, я перестаю ощущать щемящую нежность, а вспоминаю расположение вен на его теле, я не могу сосредоточиться на образе, не помню лицо, а вот то, как билась венка у основания шеи, представляю очень хорошо. Или как разливалась кровь по холлу и кухне тайного убежища Дафны. Сейчас я, кажется, ползала бы по полу и слизывала бы ее прямо с мрамора. Интересно,

как Эль сдерживается? Неужели так будет всегда? Очень мешающее качество для боевого мага. Если при виде крови я буду терять разум, то не проживу долго. Прежде всего нужно научиться контролировать именно это.

Я уже почти решаю сдаться сводящему с ума голоду и вынырнуть на поверхность, чтобы высушить волосы и идти к Элю, но вампир находит меня сам. Врывается с грохотом, нарушив мою идиллию. Срывает с петель дверь и бесцеремонно вытаскивает из воды.

Я судорожно хватаю ртом воздух, который почему-то врывается в горло, неприятно его обжигая. Голова кружится, сознание уплывает, и я не могу сосредоточиться на лице напарника. Что со мной? Я же чувствовала себя относительно нормально!

— Ди?! Ты что? Ты решила убить себя, Ди?!

У Эля истерика. Я лениво отмахиваюсь от него, пытаюсь поймать картинку перед глазами. Горло сводит спазмом. Хочу крикнуть ему, что он идиот, но не могу. Вампир тащит меня на кровать, укладывает прямо так, мокрую, с водой, стекающей с волос на подушку, шарит у себя по карманам, вытаскивает плоскую фляжку и подносит ее к моим губам дрожащей рукой.

Он еще не открыл крышку, а я уже знаю, что там кровь. Чувствую, почти вижу через металлические стенки. Когда Эль протягивает ее, мои руки дрожат. Запах дурманит, сознание сужается до од-

ной этой фляжки, в которой, кажется, сосредоточена вся жизнь. С трудом сдерживаюсь, чтобы не отобрать ее у Эля, как кошка, полоснув его по руке. Это глупо, он и так отдает ее сам. Я же прихожу к мысли, что сама не отдала бы ни за что.

— Нельзя так, Ди. Вампир, который умер от голода в ванной, — это жалко.

— Идиот... — шепчу я, сделав несколько судорожных глотков. Думала, что мне будет противно, но нет. Я пью без негатива, как жизненно необходимое лекарство. Но и восторга не испытываю. Кровь сводит меня с ума, но ее вкус оставляет безразличной. Мне нравится, как проясняется мозг, как появляются силы, как начинают лучше видеть глаза, как появляется дикая энергия в теле.

— Опять оскорбления? — несчастно уточняет он.

А я пью еще и наконец понимаю, что могу дышать, говорить и в целом чувствую себя нормально. Даже получается раздражаться по тому поводу, что лежу перед Элем голая. Вот какого демона он тут устроил? Кто вообще разрешал ему вламываться в мою комнату?

— Идиот, так как боишься не того, — наконец поясняю я, взяв себя в руки.

Переворачиваю фляжку и с грустью понимаю, что больше из нее ничего не капает. Печально, я бы выпила еще. Вломиться вломился, но крови пожадничал. Впрочем, разговор у нас сейчас совсем о другом.

— Я не собиралась самоубиваться, я думала... Изучала, на что похож голод. Если бы ты не ворвался, я бы вышла сама через три минуты. Только сухая и одетая. Но ты же не можешь не спасти меня, не так ли Эль? Тебе хочется верить, что однажды я не справлюсь сама.

— Ты уже не справилась, — отрезает он, а я начинаю злиться. Толкаю его в грудь и удивляюсь, когда он вопреки обычному поведению не поддается.

— Я не просила порождать еще одного монстра, — шпилю я. — Не стоит бояться, что я сдохну, так как не выпила вовремя кровь...

— А чего мне надо бояться? — спрашивает он, наклоняясь ближе к моему лицу, задерживается и осторожно слизывает капельку крови с уголка моей губы.

И я понимаю, что бояться надо мне. Мое тело слишком откровенно и ярко реагирует на Эля и его невинную ласку. Это что еще за фигня? Я таких побочек точно не заказывала!

Смотрю на него неверяще и ловлю в глазах страсть. Эль, похоже, тоже испытывает нечто подобное. Но это как раз неудивительно. Я знаю, что он хочет меня уже очень давно. Я же, как правило, держу себя в руках.

Он рядом. Красивый и хищный, а еще — полностью мой. Слишком близко, чтобы игнорировать заражающий взгляд васильковых глаз, не гореть

желанием изучить гибкое тело рядом и не поддаваться соблазну. Раньше я очень просто избавлялась от чар Эля, но сейчас... все иначе. В голове туман, а желание настолько сильное, что я не понимаю, зачем отказывать себе в удовольствии. Ведь Эль рядом, он мой, и я знаю, что с ним мне будет хорошо, а о последствиях думать скучно. Секс с ним — это определенно то, что мне нужно. В физическом плане так точно, а вот о душе думать сейчас совершенно не хочется. Как и об ошибках.

Я не противлюсь его уверенной руке, которая медленно скользит по бедру и выше. Кожа настолько чувствительная, что при каждом прикосновении по ней пробегают мурашки. Эль, не отрываясь, смотрит мне в глаза и ловит отголоски своей страсти. Тело горит. Мне впервые с того момента, как я очнулась, жарко. Этот жар распространяется изнутри, и сейчас я, пожалуй, чувствую себя почти живой. Немного сумасшедшей, но живой. И с каждой новой лаской это ощущение крепнет. Так вот что помогает вампирам держаться? Именно поэтому они помешаны на плотской любви? Это возможность на короткий миг близости вспомнить, что это такое: когда кровь бежит по венам быстрее? Возможность вспомнить, что такое быть живым.

Я покорно выгибаюсь под ладонями, исследующими мое тело, прикрываю глаза и со стоном прикусываю губу, анализирую новые грани своей чув-

ственности. Странное ощущение. Такое как после того, когда я пила кровь Эля. Забвение, магия и флер вампирской магии. Меня словно опоили. Это не совсем мои чувства, словно я черпаю эту страсть из самого Эля.

Мысли отрезвляют.

— Что это? — со злостью шиплю я, когда губы Эля становятся совсем наглыми. Я пытаюсь вернуть себе самообладание. Туман в голове и смешанная с желанием жажда все только усложняют. Я люблю трезвую голову.

— Мы чувствуем иначе, — проникновенно шепчет он, склоняясь к моим губам и лаская дыханием, и я невольно облизываю свои, борясь с искушением. Никогда еще мне так не хотелось поцелуя. — Не сражайся с собой, — убеждает он, и мне как никогда хочется сдаться.

Зачем отказывать себе? Если даже нет того, кому можно хранить верность. Я же не могу жить монашкой? Так почему не Эль.

Его слова отвечают моим мыслям:

— Сейчас в этом нет смысла. Мы с тобой связаны, в тебе моя кровь, и сейчас, на первом этапе, это важно. Ты тянешься к своему создателю, это инстинкт самосохранения.

— Я хочу тебя, потому что ты меня обратил? — Я слишком упряма, чтобы сдаться сразу, и меня бесит, что мое желание обусловлено кровью.

— Не только. — Эль пытается меня заговорить, а его руки тем временем заставляют меня терять остатки разума. — Ты хочешь, потому что я красив и волную тебя... всегда волновал. Теперь ты вампир... У нас более развита чувственность, особенно когда в нас кровь... Так ярче, интереснее и волнительнее.

Легкий колющий укус в основании шеи, и я готова сделать все, что он хочет. Больше. Я сама хочу то, чего хочет он.

— Именно поэтому ты предпочитаешь спать с теми, кем питаешься?

Разговор помогает отвлечься, поэтому я усиленно пытаюсь сосредоточиться на нем. Ощущение неправильности происходящего не отпускает. Странное состояние, когда желание лишает разума, но где-то на задворках сознания все еще живет прежняя Дайана, которая считает, что спать с Элем ниже ее достоинства. Я упрямо цепляюсь за нее.

— Отчасти. Но с тобой другое... Больше, ты же знаешь.

Не понимаю, почему мне нравится то, что происходит. Я и правда изменилась, раз разучилась чувствовать грань. Меня заводит Эль, и я позволяю ему нависать надо мной, шептать в губы глупости и нежно скользить ладонями по горящему от возбуждения телу. Даже прогибаюсь, чтобы быть ближе. С трудом удерживаюсь от того, чтобы касаться

самой. Понимаю, как только дотронусь до него — пути назад не будет.

Это продолжается ровно до того момента, как я вспоминаю, что именно привело меня в этот дом, в это состояние и в объятия Эля. Желание не способно перечеркнуть то, что у меня было с Мраком, тогда, когда я была самой собой. Именно те чувства и эмоции были настоящими. Перед глазами совсем другой мужчина, которого нельзя так быстро выкинуть из головы и сердца. Да и ни к чему.

Я стряхиваю наваждение, а заодно и Эля, толкнув его ногой в живот. Понимаю, что грубо, но он заслужил это. В отличие от меня, Эль прекрасно понимает, что делает. Он настолько помешан на мне, что не гнушается уже ничем. Готов переспать со мной, даже если я просто теряю голову от своего нового состояния. От понимания этого становится по-настоящему мерзко.

— Пошел вон, — беззлобно, но уверенно говорю я, чувствуя, как на кончиках пальцев привычно начинает искриться магия. Все же я сначала ведьма, а потом вампир со всей их гребаной чувственностью.

— Дайана... — ласково начинает Эль, но я уже остыла.

Подхожу к шкафу и рывком открываю дверцы. Вещами Эль озаботился. Молодец. Вытаскиваю первую попавшуюся тунику и натягиваю через голову.

Не хочу, чтобы он на меня пялился. Шоу закончилось, вернулась прежняя Дайана, и я сохраню ее в себе, чего бы это мне ни стоило.

— Мне наплевать на то, что ты себе навообразал, — чеканю я, даже не оборачиваясь к помощнику. — Не знаю, что ввело тебя в заблуждение. Но спать я с тобой не собираюсь. Все ясно? Я могу быть вампиром, гулем, виверной, но это не изменит наших с тобой отношений. Я приказываю — ты исполняешь. Не устраивает — вали. Я предупреждала тебя изначально. Ты мой помощник, ты мне дорог, я за тебя могу отдать жизнь, но спать — нет. С этим, вон, вали к Дафне или к Ребекке.

— Тебе будет сложно удержаться, — уверенно говорит Эль. — Особенно первое время. Проще уступить своим желаниям. Чего ты боишься?

— Превратиться в животное? — спрашиваю с нервным смешком, обернувшись, и смотрю на него. Хорош. Растрепанные светлые волосы, васильковые глаза и расстегнутая на груди рубашка. Я бы могла влюбиться в него, и это было бы прекрасно. Но судьба распорядилась иначе, и я не считаю нужным с ней спорить. — Нет, Эль ты знаешь, что я всегда предпочитала не идти на поводу у примитивных инстинктов. И тебе не советую.

— Ты отказываешься от удовольствия во имя... А во имя чего ты отказываешься, Дайана? — зло уточняет он и смотрит на меня с вызовом.

Но на мне снова защитная броня. Я смогла обуздать чувства, и разум ликует, потому что я поступила правильно.

— Во имя себя, конечно же, — отвечаю я. — Как всегда. Я все делаю исключительно во имя себя. И вообще, мой прошлый секс закончился плохо. Меня убили... Причем это был тот же человек, с кем я делила постель. Так что прости, я не готова делать новые глупости. И совершенно точно не готова спать с тобой. Как помощник ты для меня более ценен, чем как любовник.

— Ты все же спала с ним... — В голосе Эля лед и ярость, которые меня смешат. Наивный мальчик.

— Тебя это не касается, — отрезаю я. — А сейчас я хочу отдохнуть.

— Вампирам не обязательно спать. К тому же ты недавно воскресла. Не наотдыхалась еще в гробу? — В его голосе издевка. И это утомляет.

— Эль, свали, пока мы не поругались окончательно. Тебе надо остыть, — замечаю я и отворачиваюсь, делая вид, что меня очень заботит наполнение моего шкафа. — А мне — подумать.

Эль какое-то время стоит в центре комнаты и не хочет сдаваться. Глупо. Его настойчивость не приведет ни к чему хорошему. Я старательно не обращаю на него внимания. Так будет лучше всем, даже если он пока не видит очевидных вещей. На этом и строятся наши взаимоотношения. Умная в нашем тандеме я.

Вампир все же уходит, хлопнув дверью, а я с трудом сохраняю самообладание, чтобы не запустить ему в спину чем-нибудь тяжелым. Например, стулом. Останавливает то, что дверь закрыта, а значит, кинуть получится только в нее. Эль не пострадает, а вот дуб, старательно замаскированный искусственным инеем, весьма вероятно. Придется потом за него расплачиваться, и, вероятнее всего, опять же мне. Потому что, повторюсь, умная в нашем тандеме я.

С Элем надо что-то делать, но не сейчас. Сейчас у меня слишком много других, более важных проблем. Нужно как можно быстрее разобраться в гранях своего дара. Эль мог бы объяснить и показать лучше всего, но не сейчас. Слишком между нами все натянуто. Любой контакт приведет к тому, что мы поругаемся окончательно. Он обижен, я зла, нет смысла пытаться чем-то заниматься вместе в таком состоянии. По-хорошему бы, вообще все эксперименты со своим даром отложить, но у меня нет времени, и я все же размышляю по поводу Эля.

Несмотря на ссору, я знаю: он придет на помощь, едва я попрошу. Но начнет ныть про мое состояние, время и прочие вещи, которых сейчас у меня нет. Так и выходит, что проще и спокойнее разобраться самой. Заодно это позволит не посвящать Эля в мои планы. Вампир по любому постарается изобразить мамочку и помешать мне.

Нужно нанести визит в замок, пока нас с Элем не раскрыли. Его обитатели должны узнать о моем состоянии из первых рук. Убедиться, что по Сноургу разгуливает не свихнувшийся вампир, наделенный магией, а все та же Дайана. Да, тоже немного двинутая, но не до такой степени, чтобы ее убивать, объединившись с вампирами. Думаю, мое воскрешение будет шоком. А в шоковом состоянии люди склонны творить дичь, поэтому я должна рассказать о случившемся сама. Если бы, выбравшись из могилы, я могла сообщать, то осталась бы в замке, сразу отправив Эля в город. Но тогда мне требовалась его поддержка, поэтому сейчас я здесь и до замка нужно добираться.

А еще нужно поставить точку в одном вопросе и начать уже поиски магистра. Ради первой проблемы я не стала бы терять время. Но глупо делать вид, будто мне не нужна помощь бывших однокурсников. Нужно только уточнить, на чьей они стороне. Я уверена, они тоже ищут магистра, но вот зачем? В этом заключается основной вопрос. Подозреваю, найти Блэкфлая не проблема, только вот что с ним делать дальше? Убить? Сложно, и я не уверена, что хочу.

Поэтому не загадываю так далеко. Хожу по комнате, пробую магию. И свою, такую привычную и послушную, и пока еще незнакомую, вампирскую. С удивлением отмечаю, что мне не составляет труда перейти в состояние тумана. Это забавно, просто

начинаешь чувствовать себя облачком. Не нужна никакая дополнительная тренировка. С мышью все несколько сложнее. Но она и не нужна, по крайней мере, сейчас. В Северных землях туман практичнее. Он дополняет заклинание невидимости, позволяет просочиться сквозь узкие щели, а в остальном я прекрасно могу передвигаться как обычно. В человеческой — или теперь уже вампирьей — ипостаси.

Раздражает только то, что после смерти я осталась без денег. Не привыкла побираться. На шее нет даже амулета, выданного Блэкфлаем. Его потеря печалит сильнее всего, в нем заключено очень опасное заклинание. И я бы предпочла, чтобы оно было только в моих руках.

Этот амулет можно заменить, и я даже знаю чем. Только вот воровать у эш Гриса свиток, который я сама же для него и достала... Не уверена, что это хорошая идея. Но другой у меня нет.

Я изучаю платье, которое было на мне во время похорон, и торжествующе хмыкаю. Я хорошо знаю Дафну — она в своем репертуаре. Лиф расшит кристаллами, но вот по вороту, как ожерелье, идут натуральные камни. Отковырять их не составляет труда. Можно сделать проще: спуститься вниз и взять денег у Эля, но я не хочу. Во-первых, злюсь и не желаю видеть, во-вторых, нет настроения ввязываться в очередной скандал и выслушивать, что можно делать, а что нельзя новорожденному вампиру. В-тре-

тких, я не хочу тащить Эля в замок с собой. Одной удобнее, а отвязаться от помощника точно не выйдет. Похоже, он вообще не намерен меня отпустить. Так и не понял, что удерживать бессмысленно.

Закончив отковыривать камни, я снова сую нос в шкаф с одеждой и сейчас более придирчиво изучаю развешанные там вещи, выбирая что-то удобное и не слишком привлекающее внимание. К счастью, и такое тут есть. С Эля станется, он мог на поводу своих фантазий забить мой шкаф кружевными пеньюарами.

Переодеваюсь в комфортную и теплую одежду, заплетаю свои яркие волосы в косу и с неудовольствием замечаю, что это не сделало меня менее неприметной. Под верхней губой проступают клычки, кожа невероятно бледная, как у покойницы, зато губы кроваво-красные. С человеком не спутаешь. Придется привыкать к новому облику. Возможно, даже я когда-нибудь его полюблю.

Я какое-то время жду, потом приоткрываю форточку, чтобы просочиться в нее черным туманом. Если повезет, Эль даже не узнает, что ночью я отсутствовала. Предполагаю, напарник сегодня не решится сунуться ко мне еще раз без весомой причины. Пожалуй, плюсы у вампирского состояния есть. Правда, оказывается, состояние это очень неустойчивое. Продержаться в нем получается недолго. Едва не застреваю в форточке, чудом удерживаю